

* * *

Откройте окна! Я войду
Весенним запахом,
Разящим
Навылет,
Посвистом в саду
Иль детской песенкой дразнящей.

И сяду я, неожиданный гость,
Резною бабочкой на шторы,
Увериться: ваш вечер прост,
Нежны, сердечны разговоры.

Застыну в плаче у дверей
Дождем. Туманом дом укрою.
И так — всегда ты будешь с ней,
И вечно буду я с тобою.

* * *

И лишь Господь нас примет всех:
Ненужных, жалких, осужденных,
Богатством, славой облеченных,
Приживших боль и тяжкий грех.

Нас, среди которых нет святых
И даже добрых слишком мало,
Он встретит, может, чуть устало,
И все-таки не как чужих.

СРЕТЕНЬЕ

...И падал снег. Но даль была чиста.
Тянулась к небу крутизна дороги.
В ней чудилось подобие моста.
Еще чуть-чуть... И ты увидишь Бога.

Не черный силуэт в белесой мгле
И не сиянье без границы света,
Но ласку солнца в льдистом феврале,
Всю щедрость непроснувшегося лета.

И от него затеплится свеча.
В мороз, когда не знаешь, чем согреться,
О, пусть горит! Чиста и горяча.
Свеча, что люди называют — «сердце».

* * *

Идет кино восьмидесятых:
Хохмят нестрашные менты,
Смеются милые девчата
У газированной воды.

Рассказ без жутких денег создан,
Без VIP-ов, без медийных лиц.
Лицо закидывает к звездам
Простой, как эта жизнь, артист.

И, кажется, в толпе веселой
Увижу я сейчас себя,
У новой заводской столовой
В объятьях теплых сентября.

Мне так уютно в старом кадре.
Я жадно жду земных чудес...
Но перечеркивает завтра
Кадр заключительный: «Конец».

* * *

Скупают городские воротилы
Вчерашние колхозные поля.
Здесь ради светлой жизни рвали жилы
Безвестные стахановцы села.

Под хлебными упорными корнями,
Под легким слоем пыли молодой
Таятся поля боевые раны
И память скорбная золы седой.

Стонало поле в горькой бабьей власти.
В него надежда падала с зерном,
Что будет урожай, что скоро счастье
Рукой солдата постучится в дом.

О как прекрасны были эти дали
В глазах мальчишек, выросших потом!
Они о космосе всерьез мечтали
И совесть жизни мерили трудом.

С глазами, как плат неба ярко-синий,
С пшеничным легким золотом волос
Здесь столько родилось крестьян России
И столько в землю тихо улеглось.

Что будет дальше? Расскажи мне, поле.
В слезинках повилики канитель...
Закат тяжелый — словно тяжесть горя...
И об ушедших плачет коростель...

* * *

Цветет в оврагах мать-и-мачеха,
Хотя Москва сулит морозы.
Цветет! Лишь чуточку вздохмачена,
Ведь у земли свои прогнозы.

На грязной деревенской улице
Ни смеха детворы, ни гама
И лишь старуха грустно щурится,
Читая марта телеграмму.

В Москве погода переменчива.
Там — новый курс, аэродромы,
А маленькая эта женщина
Весь век у поля да у дома.

Где жизнь была — то мать, то мачеха,
Где песни пелись у колодца...
Где все татарником захвачено
И скоро песня захлебнется.

* * *

Зачатье радужное слова,
Строки сверкающая нить —
Не для диванной сути крова.
Поэт бездомным должен быть.

Чтоб вечно не понятный власти
И каждому цветку — родня,
Он жил в плену у редкой страсти —
Длеть бесконечно эхо дня.

Чтобы вокруг дышали травы
И слышала его душа
Не поступь каменную славы,
А шаг и фырканье ежа.

Чтоб рвался, как к земле-основе,
К тем, кто все спел за краткий век,
Этот смешной и бестолковый,
Совсем безвестный человек.